

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ МАЛЕР

Рос. муз. газета. - 2002. - № 1-2. - с. 16

В начале XX века Вена являлась неофициальным центром мира. Именно здесь родилось само понятие «модерн». Здесь Карл Витгенштейн, отец философа Людвига Витгенштейна, построил галерею Сецессиона. Климт и Хоффман создали ар нуво. Шенберг открыл новую эпоху в музыке, а Фрейд — в области человеческого мышления. Альма Шиндлер, дочь художника Эмиля Шиндлера, была удивительной женщиной в этом невероятном городе. К началу XX века ей исполнилось 20 лет. Богатая, избалованная, умная и страстная, она несла в себе поразительную женскую привле-

кательность. На фотографиях Альма выглядит грубовато-красивой, ее портит тяжелая челюсть. Однако во плоти, по словам ее внучки Марины Малер, она «излучала свет». «Она была не фотогенична, — говорит Марина. — Выглядела грузной и подавляющей. Однако в жизни была полна энергии, которая была из нее ключом. У нее были чудесные глаза и чудесная кожа».

Этого оказалось достаточно, чтобы свести с ума нескольких великих людей. Среди них художник Густав Климт и композитор Александр Цемлинский, преподававший музыку ей и Шенбергу. Она была замужем за двумя евреями — Густавом Малером и писателем Францем Верфелем — и позднее признавалась, что их национальность являлась для нее проблемой.

Малер, когда его брак дал трещину, вынужден был обратиться за помощью к Фрейду. И тот сказал ему прямо: «Я знаю вашу жену. Она любила своего отца и способна любить только мужчин его типа. Ваш возраст, который вас пугает, как раз и есть то, что привлекает вашу жену».

К этому моменту Альма уже призналась несчастному Малеру, что всегда не выносила его запах. Ему пришлось примириться с тем, что его жена флиртует с пианистом и дирижером из России Осипом Габ-

риловичем, а также пережить сюрреалистический эпизод, когда архитектор Вальтер Гропиус, основатель Баухауза, написал ему письмо, прося руки его жены.

После смерти Малера в 1911 году за Альмой настойчиво ухаживал художник Оскар Кокоска, изобразивший ее и себя в одной из своих самых замечательных картин «Буря» (1914). Когда началась первая мировая война, Кокоска отправился на фронт и был ранен. В Вене сообщили о его гибели, и Альма устроила обыск в его студии в поисках рисунков и писем. Однако Кокоска выжил и вернулся с войны, чтобы узнать, что женщина, которую он обожал, вышла замуж за Гропиуса. Почти для всех мужчин общение с этой женщиной заканчивалось трагически.

Конечно, Альму считают роковой женщиной. Однако Альма с ее страстями и сомнениями являлась точным женским воплощением своего времени и города, в котором она жила. Вена была городом, где величие уживалось с низостью, любовь к прошлому — с открытием будущего, городом, балансирующим между романтизмом и модернизмом, раздираемым конфликтом между цивилизацией и ее противниками. Альма и была такой Веной.

Опубликованные в Велико-

британии дневники Альмы Малер 1899—1902 годов в полной мере подтверждают это. До недавнего времени они оставались нерасшифрованными из-за крайне неразборчивого почерка, однако ныне благодаря усилиям Энтони Бомонта и Сюзанн Роде—Бауманн читатели получили возможность познакомиться с частью дневниковых записей, относящихся к периоду от романа с Климтом до замужества с Малером.

Жизнь Альмы в это время состояла из сплошных вечеринок, приемов, посещений концертов и оперы. Вена для нее была огромным, бесконечно длящимся общественным событием. Лица и имена заполняют ее записи. Для нас само перечисление талантливых людей, с которыми она общалась, кажется невероятным. Она обедала с Климтом или у Витгенштейнов, видела Шенберга в квартире Цемлинского. Для нее в порядке вещей было встретить Малера на велосипедной прогулке.

Она была женщиной своего времени. На личном уровне это означало балансирование между двумя нравственными системами. Сначала она очень дорожила своей девственностью, что еще больше разжигало ее мужчин. Цемлинский ваялся у нее в ногах. Когда ее впервые поцеловал Климт, она записала:

Окончание на с.6

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЛЮБИЛ МАЛЕР

Окончание, начало на с. 1

«Стоит мужчине поцеловать тебя, и ты его навеки». Климту же требовалось большего: «Есть только одно: полное физическое соединение».

Ее целомудрие сводило с ума. А потом она стала одной из великих любовниц века, предшественницей сильной, отвечающей за себя женщины эпохи феминизма.

С уверенностью в своих женских чарах в ней уживались глубокие сомнения в личной состоятельности. «Если бы только я была кем-то, — писала она, — настоящим человеком, способным на великие дела». И когда ей было всего 19: «Я уже старая и никчемная. Я стыжусь себя — ничто не достигнуто, ничто не завершено — и столько глупости».

В духовном плане она опять же — дитя своего века. Читала Давида Штрауса и Эрнеста Ренана, этих «демистификаторов христианства», которые свели Христа до положения великого, но все же чисто человеческого пророка. Однако наедине с собой она чувствовала «присутствие некоей силы, которой могу полностью доверять и которой могу сказать — Отец».

И с художественной точки зрения она опять же скорее воплощала свой век, чем понимала его. Будучи довольно талантливым композитором, она не могла решить, суждено ли ей творить искусство или обслуживать его. Малер настаивал на том, чтобы она бросила занятия композицией и всецело посвятила себя ему. Мужчины мстили ей за ее сексуальную привлекательность, подавляя ее музыкальный талант. В конце концов, она приняла эту цену.

«Моя жизнь была прекрасной, — писала она в своей автобиографии. — Мостом служила любовь. Бог дал мне возможность знакомиться с работами гениев нашего времени еще до того, как они покидали своих создателей. И если порой мне удавалось поддерживать стремление этих всадников света, мое существование оправданно и благословенно».

И все же ее кругозор не отличался широтой. Вагнер был ее «богом», а до него — Бетховен. Моцарт оставался ее холодной.

Она не понимала модернизма, бурно развивавшийся вокруг нее. Шенберг представлялся ей «отклонением от нормы», несмотря на то, что Цемлинский предупреждал ее, что «со временем о нем заговорят все». Ей никогда по-настоящему не нравилось творчество Малера: «Его музыка мне чужда». Она считала его гением, но в значительной степени благодаря дирижированию. Рихарда Штрауса она находила непонятным. Ее вкусы во многом ограничивались старым немецким романтизмом. В художественном плане она была скорее салонной гранд-дамой XIX века, чем гуру модернизма.

Ее жизнь по большому счету

трагична. По мнению Фрейда, ей так и не удалось оправиться после смерти отца, который скончался, когда ей было 13 лет. Его заменил нелюбимый отчим, Карл Молль, а у матери на нее «не хватало времени». Малер умер в 51 год. Молль стал убежденным нацистом и в конце войны покончил с собой. Ее молодая сестра Гретль умерла в сумасшедшем доме, став жертвой нацистской программы эвтаназии.

Анна, ее дочь от Малера, дожила до преклонного возраста. Однако другая дочь Малера, Мария, умерла от дифтерита в пять лет. Марион, ее дочь от Гропиуса, умерла от полиомиелита в 19 лет. Мартин, ее сын от Верфеля, родился преждевременно, с мозговыми нарушениями и вскоре умер.

Сама Альма умерла в возрасте 85 лет в Нью-Йорке (ей пришлось бежать в Америку от нацистов вместе с Верфелем) 11 декабря 1964 года. Однажды она сказала Малеру в приступе садизма, но и с типичной для нее безумной открытостью, что в мужчине она любит только его достижения, и если ей встретится более талантливый мужчина, чем он, ей «придется полюбить его». Ее биограф Сюзанн Киган комментирует: «Именно эта страсть к интеллектуальной общности с творческими сверхчеловеками в конечном итоге усиливала сексуальное влечение Альмы».

Она была дитя Вены 1900-х годов. Именно здесь и тогда рождался XX век со всеми ужасами и чудесами. И она воплощала лучшие и худшие черты своего времени.

Предлагаем перевод фрагментов дневниковых записей Альмы Малер.

1900

Воскресенье, 11 февраля
Днем: концерт. Цемлинский (серенада ре мажор) — вполне оригинально и очень в духе Вагнера. Сам композитор являет собой в высшей степени комическую фигуру. Просто карикатура — маленький, без подборка, с выпученными глазами и прямо какой-то сумасшедшей манерой дирижировать.

Понедельник, 26 февраля
Сегодня вечером у Шпицера. Пошла с огромной неохотой — и чудно провела время. Почти весь вечер проговорила с Александром фон Цемлинским, 28-летним композитором. Он ужасно уродлив, и все же я нахожу его довольно милым.

Сначала мы говорили о Шмиде (первом теноре в опере) и так его поносили, что Цемлинский сказал: «Если найдется кто-нибудь, к кому ни у одного из нас нет претензий, давайте выпьем пунша в его честь».

Поразмыслив некоторое время, мы действительно вспомнили такого человека — Густав Малер. И осушили стаканы. Я сказала, что преклоняюсь перед ним и мечтаю познакомиться.

«А что вы думаете о Вагнере?»
«Это величайший гений, какой когда-либо жил на свете», — не задумываясь ответила я.

«А какое произведение Вагнера вы любите больше всего?»
«Тристана», — ответила я. Это

так восхитило его, что он совершенно преобразился. И даже стал красив. Теперь мы понимали друг друга. Я нахожу его замечательным. Приглашу его зайти к нам.

Понедельник, 23 апреля
Сегодня вечером: «Свадьба Фигаро» в первый раз. Мне ужасно понравилось. Несмотря на то, что опере уже 116 лет, она свежа и современна. В этой музыке — в отличие от Вагнера — нет ничего волнующего, шеко-чущего нервы. Она безмятежна, уравновешенна и благозвучна. И, следовательно, она более здоровая. Должна признаться, что Вагнер трогает меня гораздо больше, чем Моцарт. Но это из-за времени, в которое мы живем. Наш век, наша раса, наш взгляд на жизнь, наша кровь, наша душа — все подвержено упадку! Вот почему мы предпочитаем оперы, музыка которых возбуждает все чувства и разрывает нас на части, как смерч. Нам нужно безумие — а не изящные пасторали, — чтобы оживить душу и разум.

Воскресенье, 18 ноября
В полдень филармонический концерт, программа которого включает 1-ю симфонию Малера. Безусловно, сделано талантливо, но страшно наивно и утонченно — не в лучшем смысле слова. Невероятное смешение стилей, оглушительный, действующий на нервы грохот. Никогда не слышала ничего подобного. Впечатление чего-то осязающего, но вместе с тем и раздражающего.

Суббота, 1 декабря
Lieder Шенберга, Вольфа, Цемлинского, Штрауса и т.д. Цемлинский самый талантливый из них. Шенберг — это какое-то отклонение от нормы. Две песни — или скорее Lieder — невероятно эффектные, однако без малейшей уступки слуху, привыкшему к мелодии. Нечто ошеломляющее, уму неподдающееся. Крещендо ни разу плавно не достигает своего пика. Не скажу, что лишено интереса, но красиво ли?..

1901

Понедельник, 7 января
Сегодня утром: Цемлинский. Мои вариации: неплохо, одна из них великолепна. Он был довольно добр ко мне, но нелюбезен. Я набралась смелости и сказала, что не пошла слушать «Тристана», потому что там не было его. Он сказал: «Знаете, фрейлейн, вы становитесь навязчивы. Вы, наверное, способны держать под каблучком всех ваших молодых людей, но со мной это не пройдет». И он прав. Чего я хочу от него? Да, он мне невыразимо нравится... Но его невероятное уродство, его запах... И все же — когда он здесь, я вся как-то странно вспыхиваю.

Среда, 23 января
Сегодня вечером: концерт Штрауса. «Тиль Уленшпигель», несколько Lieder, «Жизнь героя». Рихард Штраус — выдающийся наглец. Не могу найти другого слова. Вся его музыка пронизана нелогичными, ненужными, отвратительными неблагозвучиями. Громкость, с которой нам преподносят эти диссонансы, совершенно огушительна. По законам естественного отбора будущие поколения будут рождаться с вдвое более прочными барабанными

перепонками. Вот в чем суть: ни в коем случае не используй аккорд, который кто-нибудь использовал прежде. Если бы только эти люди поняли, какой вред они приносят. Они слишком стыдятся написать мелодию из опасения показаться банальными. Они волочат ноги, хромают, качаются без конца — но не могут идти прямо, преодолевая все препятствия на пути к своей цели!

Среда, 10 апреля
Опять Цемлинский. У нас был обычный урок. А потом мы сидели вдвоем. Я сказала, что написала ему письмо, но не отослала. Он попросил взглянуть. Я принесла. Он прочел. И сказал, что я играю с ним, что он благодарен Богу за свой здравый смысл. Вдруг наши взгляды встретились, и мы не могли оторвать глаз друг от друга. Я попросила его прийти в субботу. Он спросил, важно ли это для меня. Я ответила «да». Он целовал мне руки, склонившись над ними головой. Я положила свою голову на его. Мы целовали друг друга в щеку и бесконечно обнимались. Я держала его голову в своих руках, мы целовались в губы с такой силой, что зубам было больно.

Четверг, 18 апреля
Вчера я опять целовалась с Цемом. Мы держались за руки, я обнимала его. Он повторял: «Ты не представляешь, что это для меня значит». Он не верит в собственную мужскую привлекательность — и недаром. Я уже не нахожу его уродливым. Он такой маленький — когда мы рядом, он мне по плечо. Я верю, что он меня действительно любит, любит сильнее, чем я его. Я храню его письмо в кармане, перечитываю его, целую, снова убираю и занимаюсь повседневными делами.

Четверг, 2 мая
Снова Цем не пришел. Ожидание и разочарование вызывают физическую боль! Немного позже он появился. Я потянула его в курительную комнату — идеальное место для влюбленных. Мы упали друг другу в объятия и целовались, пока не стемнело...

Суббота, 28 июля
Мои чувства к нему (Цемлинскому) сильнее, чем когда-либо. Я любила бы его еще больше, если бы не зловещее слово «брак». Ибо мысль выйти за него замуж, родить ему детей, маленьких дегенеративных еврейчиков...

Четверг, 7 ноября
Сегодня вечером у Цукеркандлов (друзья семьи). Присутствовали: Буркхард, Малер и Климт. С последним я едва сказала пару слов — была совершенно невозмутима. Как поначалу и с Малером. Но потом возник оживленный спор о балете Алекса, о художественном взаимообогащении в период культурного упадка. Малер отрицал саму оправданность существования балета как формы искусства...

Он попросил меня принести ему что-нибудь из моих произведений — даже хотел точно знать, когда я найду к нему. Я пообещала зайти, как только напишу что-нибудь стоящее.

Должна сказать, он мне чрезвычайно понравился, хотя он ужасно беспечный. Все время метался по комнате, как дикий

зверь. Он будто пеликом состоит из кислорода. Когда к нему приближаешься, можно загореться. Завтра расскажу об этом Алексу...

Записи от 13-18 ноября из рукописи изъяты.
Вероятно, в эти дни Альма получила анонимные стихи «Это случилось внезапно», написанные, как потом выяснилось, Малером.

Вторник, 3 декабря
Я стою перед ужасным выбором. Способна ли я по-настоящему полюбить Малера, как он того заслуживает и как я действительно могу? Пойму ли когда-нибудь его искусство, а он мое? Как сообщить обо всем Алексу? Ведь мы с Малером уже перешли на «ты».

Он сказал, что очень любит меня, но я не смогла дать ему ответ. Действительно ли я люблю его? Порой мне кажется, что нет. Так много меня в нем раздражает: его запах, то, как он поет, как говорит (его «pp»). Наши вкусы очень различны. Проще говоря: я не верю в него как композитора.

Что мне делать?
И что, если Алекс станет знаменитым? Один вопрос мучает меня: будет ли Малер поощрять мои занятия композицией — будет ли поддерживать мои художественные устремления — будет ли любить меня так, как Алекс? Потому что он любит меня безмерно.

Пятница, 20 декабря
Получила это письмо [от Малера, который пишет, что его будущая жена должна будет оставить свои занятия композицией]. Сердце замирает... Бросить музыку — оставить то, что до сих пор было моей жизнью?!

Суббота, 21 декабря
Сегодня утром перечитала его письмо и вдруг ощутила такой прилив теплоты. Что, если я должна отказаться от моей музыки из-за любви к нему? Да забудь ты о ней! Должна признать, что едва ли чья музыка интересует меня сейчас, кроме его. Да, он прав. Я должна жить только ради него.

Понедельник, 23 декабря
Сегодня вечером я официально обручилась в присутствии Карла и мамы.

Понедельник, 30 декабря
Сегодня мне чуть не вступили в супружеские отношения... Должно быть, он ужасно страдает. Могу по себе оценить его нетерпение и разочарование. Никто не знает, как страстно я желаю его. Зачем нужны эти ужасные ритуалы? Почему я просто не могу переехать к нему? Мы переполнены желанием...

1902

Четверг, 3 января
Восторг и упоение.

Среда, 4 января
Бесконечный экстаз.

Пятница, 6 января
Чудесный день. Вчера он прислал мне 4-ю симфонию, и сегодня мы играли ее в четыре руки. Меня это очень трогает.

Подготовил и перевел
с английского
Владимир Нестьев

Шиндлер
Альма Малер